

УЧАСТНИКИ ИНТРИГИ

В связи с 150-летием со дня рождения М. Ю. Лермонтова Е. И. Яковкина подготовила для Ставропольского издательства книгу «Последний приют поэта», посвященную истории «Домика Лермонтова» в Пятигорске.

Предлагаем вниманию читателей главу из этой книги.

Когда Лермонтов, находясь зимой 1841 года в отпуске, в Петербурге, получил приказ выехать из столицы в течение 48 часов, он безумствовал от охватившего его отчаяния. И тогда родились эти гневные строки, брошенные в лицо деспотам:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые.
И ты, послушный им народ...

Но и «за хребтом Кавказа» не укрылся поэт от глаз и ушей своих врагов. Его преследовали и здесь.

Первый биограф Лермонтова, профессор Висковатый, встречался со многими лицами — современниками Лермонтова, — свидетелями его последних дней в Пятигорске.

Беседа велась через 40—50 лет после трагедии у подножия Машука, но и теперь у некоторых из этих современников враждебные чувства к поэту не смягчились.

Висковатый утверждал, что в беседе с ним эти «некоторые из влиятельных личностей», бывших тогда на Водах, говоря о Лермонтове, употребляли такие выражения, как «несносный выскочка», «задира», «ядовитая гадина». Они-то и ожидали случая, когда кто-нибудь, выведенный из терпения, «проучит задиру».

Висковатый хорошо изучил преддуэльную обстановку в Пятигорске, и ему удалось выяснить, что «некоторые личности» «искали какое-либо подставное лицо», человека, который, сам того не подозревая, явился бы исполнителем задуманной интриги.

Да и князь Васильчиков, когда Висковатый задал ему вопрос: «А были ли подстрекатели?» — не отрицал этого, а ответил уклончиво: «Может быть, и были».

Сын генерала Граббе, командовавшего в 1841 году войсками на Кавказской линии, рассказывал профессору, что слышал от отца, как на дуэль с Лермонтовым провоцировали молодого офицера С. Д. Лисаневича.

— К Лисаневичу приставали, уговаривали

вызвать Лермонтова на дуэль — проучить.

— Что вы, — возражал Лисаневич, — чтобы у меня поднялась рука на такого человека?

Не так уж, по-видимому, секретно велась интрига против Лермонтова, если о случае с Лисаневичем знал не только генерал Граббе. По крайней мере, этот же провокационный разговор с Лисаневичем передавала Висковатому Эмилия Александровна Шан-Гирей.

Мартынова легче было спровоцировать: в его характере не было благородства Лисаневича, он не обладал умом, способным разобраться в интриге, как поэт не ценил Лермонтова, к тому же был тщеславен и самолюбив.

Сам по себе Мартынов не был каким-то закоренелым злодеем. Не будь подстрекательства со стороны, быть может, судьба уберегла бы его имя от тех проклятий, которыми оно сопровождается в течение уже полутора веков.

Те добрые отношения, которые существовали между Лермонтовым и Мартыновым с юнкерской школы, ничем не нарушались до последнего времени. На шутки Лермонтова Мартынов если иногда и обижался, то во всяком случае не до такой степени, чтобы считать товарища смертельным врагом.

Мартынов сам заявил пятигорскому окружному суду, что поединок был случайный, что злобы к Лермонтову он никогда не питал. «Следовательно, мне незачем было иметь предлог с ним поссориться».

Позднее Мартынов рассказывал, что «незадолго до поединка Лермонтов ночевал у него на квартире, был добр, ласков и говорил ему, что приехал отвести душу после пустой жизни...»

Да и слуги, как Лермонтова, так и Мартынова, утверждали, что «оба барина жили между собой дружно, ни ссор, ни каких-либо несогласий между ними не бывало...»

Правда, на следствии Мартынов показал, что «с самого приезда своего в Пятигорск Лермонтов не пропускал ни одного случая, где бы мог он сказать мне что-нибудь неприятное. Остроты, колкости, насмешки на мой счет, одним словом, все, чем только можно досадить человеку, не касаясь до его чести». Но ведь это говорилось в

целях самозащиты и противоречило заявлениям самого же Мартынова, а много лет спустя Мартынов обронил многозначительную фразу: «Друзья таки раздули ссору...»

Мартынов не назвал этих друзей, но он подтвердил то, что установил Висковатый: кто-то ссору и «несогласия» раздувал, кто-то занимался подстрекательством.

Вокруг «Домика» создалась напряженная атмосфера. Те, кто бывал у Лермонтова, прошли перед нами с характеристикой, даваемой каждому его современниками.

Кого же можно подозревать? Кого должна судить, история?

Писарь комендантского управления Карпов склонен считать главарем интриги Дорохова. Но эта роль несвойственна тому, кто, по свидетельству современников, был добр, великодушен, доверчив и, безусловно, честен, в ком такой тонкий психолог, как Пушкин, находил «много прелести».

Дорохов по своему открытому, но взбалмошному характеру не подходил к роли интригана. Да и Эмилия Шан-Гирей, хорошо знавшая преддуэльную обстановку, категорически отрицала участие Дорохова в подстрекательстве к дуэли.

Нельзя сомневаться и в искренности того горя, которое переживал Дорохов после смерти Лермонтова.

Из числа подозреваемых во враждебных замыслах против поэта лиц следует исключить не только друзей Лермонтова, но и тех, кто по своему характеру не был способен возглавлять тонкую и сложную интригу.

Почти 30 лет спустя хозяин дома В. И. Чилиев заявил, что «недобрую роль» в организованной против Лермонтова интриге сыграл князь Васильчиков.

Вот как обрисовал Чилиев Васильчикова:

«Затаив в душе нерасположение к поэту за беспощадное разоблачение его княжеских слабостей, он, как истинный рыцарь иезуитизма, сохраняя к нему по наружности прежние дружеские отношения, взялся руководить интригой в сердце кружка и, надо отдать, справедливость, мастерски исполнил порученное ему дело». «От него самого я слышал,— говорил Чилиев Мартьянову,— такого рода отзыв о поэте: «Мишеля, что бы там ни говорили, а поставить в рамки следует».

Со слов Чилиева, Мартьянов писал о Васильчикове: «Умник» вел себя в Пятигорске очень тонко. Он, знак силу сарказмов Лермонтова, первоначально ухаживал за ним, часто бывал у него, ходил с ним на прогулки, выслушивал, не обижаясь, от него всевозможные шутки, остроты и замечания, отшучиваясь, в свою очередь, как господь бог положит на душу. Но с конца июня он вдруг перешел в тот лагерь, где враждебно смотрели на поэта. Внешние отношения остались конечно, те же, но близкая товарищеская связь была порвана. Лермонтов все это видел и бросал ему в глаза клички: «Дон-Кихот иезуитства»,

«князь-пустельга», «дипломат не у дел», «мученик фавора» и др.

Чилиев сообщил Мартьянову две довольно ядовитые эпиграммы, адресованные князю. Одна из них была будто бы сказана поэтом на бульваре, при выходе из ресторации, а другую Чилиев списал с карточного стола в «Домике».

Итак, Чилиев, а вслед за ним и Мартьянов назвали руководителем интриги князя Васильчикова.

Возникает вопрос: почему же Васильчиков взял на себя такую неблагоприятную роль?

По словам Чилиева, он сделал это из мстительного чувства, вызванного «разоблачением его княжеских слабостей». А разоблачение выразилось в тех двух эпиграммах, которые Чилиев сообщил Мартьянову, а также в прозвищах.

«Воспоминания отставного майора, хозяина последней квартиры Лермонтова в Пятигорске Вас. Ив. Чилиева (1798—1873)... во многих своих подробностях вызывают сильное сомнение в их полной достоверности. Включение в текст воспоминаний эпиграмматических экспромтов Лермонтова, текст которых не находит подтверждения в других источниках, дает основание думать, что в ткань воспоминаний Чилиева в какой-то степени проникли элементы позднейших измышлений».

Таким предисловием снабжены воспоминания Чилиева, приведенные в сборнике воспоминаний о Лермонтове, изданном Пензенским издательством в 1960 году.

Действительно, никто не помнил и не подтвердил приписываемых Лермонтову экспромтов. Никто не помнил обидных прозвищ, которые будто бы давал Лермонтов Васильчикову. Никто не говорил и о мрачном настроении Васильчикова «с конца июня».

Откуда Чилиеву известно, что «близкая, товарищеская связь» между Лермонтовым и Васильчиковым порвалась, если «внешние отношения остались те же»?

Кто поведал Чилиеву об этих отношениях? Лермонтов? Васильчиков?

Поэт, по словам Чилиева, видел Васильчикова, что сказывается, насквозь и, однако, пригласил его быть на дуэли с Мартыновым своим секундантом, а ведь секундантами приглашали только близких товарищей. Словом, обвинения Чилиева ничем, а, главное, никем, ни одним человеком, не подтверждаются. Они не подтверждаются и поведением Васильчикова как непосредственно после дуэли, так и значительно позднее.

Через две недели после дуэли Васильчиков пишет товарищу из Кисловодска: «...последнее время было у нас грустное и хлопотливое. Ты, вероятно, уже знаешь о дуэли Лермонтова с Мартыновым и что я был секундантом у первого. Признаться, смерть его меня сильно поразила, и долго мне как будто не верилось, что он действительно убит и мертв. Не первый раз я участвовал в поединке, но никогда не был так

беззаботен о последствиях и твердо убежден, что дело обойдется п. к. м. (по крайней мере) без кровопролития».

Далее Васильчиков сообщает, что он под арестом, переведен в Кисловодск, где живет со Столыпным в Слободке.

«Мы с Столыпным часто задумываемся, глядя на те места, где прошлого лета... но что старое вспоминать. Из нас уже двоих нет на белом свете, Жерве* умер от раны после двухмесячной мучительной болезни. А Лермонтов по крайней мере без страданий. Жаль его. Отчего люди, которые бы могли жить с пользой, а м. б. и со славой, Пушкин, Лермонтов, умирают рано, между тем, как на свете столько беспутных и негодных людей доживают до благополучной старости».

Письмо безусловно искреннее. Ведь, обращаясь к другу, Васильчиков вряд ли стал бы писать «для истории» и предполагать, что письмо будет когда-нибудь опубликовано.

Можно поверить, что Васильчикову, как и другим, близким к Лермонтову лицам, в голову не приходило, что Мартынов «задумал свое черное дело» и что дуэль, вызванная столь незначительным поводом, приведет к убийству поэта».

В дальнейшем Васильчиков был крупным общественным деятелем, выступая против крепостного права, при царском дворе считался человеком «неблагонадежным». Когда в 1874 году некий Маркевич назвал в своей повести Лермонтова представителем «тогдашнего поколения гвардейской молодежи», Васильчиков резко выступил в защиту Лермонтова.

Да и Столыпин, верный друг Лермонтова, вряд ли стал бы поддерживать добрые отношения с тем, в ком видел врага поэта.

Так что же? Кто руководил интригой, против Лермонтова?

Представим себе пятигорскую обстановку лета 1841 года. Приезжает известный, но опальный поэт. Вокруг него группируется молодежь. Часто у Лермонтова бывают декабристы. А ведь на Кавказских Минеральных Водах существует «тайный надзор», введенный с 1834 года.

«Тайный надзор» в 1841 году осуществлял на Кавминводах подполковник Кувшинников, специально командированный сюда из Петербурга еще в апреле этого года.

Кувшинникову, вероятно, через несколько минут было известно о приезде Лермонтова. И за поэтом, конечно, тотчас же было установлено наблюдение.

Подполковник Кувшинников не остался, разумеется, пассивным наблюдателем шумной курортной жизни. Пассивная роль не в природе жандармерии.

Кувшинников быстро ориентировался в настроениях пятигорского общества. Нетрудно было установить, что «влиятельные личности на Водах» — представители той аристократии, которую Лермонтов заклеймил именем убийц Пушкина, — были лютыми врагами поэта.

Кувшинников прекрасно знал также отношение царя и своего шефа — Бенкендорфа — к Лермонтову. Знал он и то, как может быть встречена при царском дворе весть о гибели поэта.

Так не жандарм ли Кувшинников, поощряемый начальником штаба Кавказских войск Траскиным, являлся организатором интриги против Лермонтова? Провокации являлись, как хорошо известно, профессией жандармов. Может быть, поэтому свидетели этой интриги «стеснялись» назвать имя «подстрекателя».

Не следует думать, что провокация велась с целью непременно убить Лермонтова. Дуэль была тем средством, которое, при любых результатах, могло быть использовано правительством в желаемом для него смысле. Официально дуэли были запрещены. Если исход дуэли не был бы смертелен, то за участие в ней виновных можно было сурово наказать.

Если бы Лермонтов не был убит, ему — за участие в дуэли — грозило разжалование в рядовые. Вспомним трагическую судьбу А. А. Бестужева-Марлинского или Полежаева.

Дуэль, чем бы она ни кончилась, была для врагов Лермонтова средством для жестокой расправы над ним.

Кувшинников сумел вести дело тонко и ловко. Недаром Траскин в докладе шефу жандармов — Бенкендорфу — осенью 1841 года сообщал, что Кувшинников «минувшим летом на Кавказских Минеральных Водах... в исполнении своем обязанностей действовал с полным усердием»...

Любопытно, что после дуэли, когда было назначено следствие по делу Мартынова и секундантов, Траскин включил в следственную комиссию «присланного сюда для секретного надзора корпуса жандармов подполковника Кувшинникова». А коменданту дал распоряжение «не приступать ни к каким распоряжениям по означенному происшествию» без содействия Кувшинникова.

У Кувшинникова была, конечно, своя агентура для непосредственного наблюдения за «подозрительными» лицами. В практике жандармерии было обычаем привлекать хозяев к слежке за жильцами.

Не являлся ли агентом Кувшинникова домохозяин Чилиев? И случайно ли он предложил Лермонтову свой флигель?

Майор Чилиев, верноподанный служака, был очень подходящим человеком для слежки за поэтом. Он мог наблюдать за своими квартирантами, не возбуждая подозрений. В самом деле, квартирный хозяин мог зайти в любое время к жильцам. В «Домике» вообще создавалась благоприятная обстановка для наблюдения. Двери квартиры Лермонтова всегда открыты Чилиева привлекают в «Домике» громкие разговоры, шум, веселье, шутки, смех. Здесь к тому же всегда, можно выпить стаканчик кахетинского.

Квартирный хозяин ведет за Лермонтовым тщательное наблюдение. День за днем, утром и

вечером, дома, на прогулках, в гостях. А ведь он не был ни другом Лермонтова, ни даже близким знакомым. Не подлежит сомнению, что Чилиев не понимал значения Лермонтова как поэта. И все же не только наблюдал за ним сам, но расспрашивал других, записывал все, «чему свидетель был».

До 1870 года Чилиев молча хранил свои наблюдения и записки и, кто знает, заговорил ли бы он и через 29 лет после смерти Лермонтова, если бы среди лечащихся в Пятигорске не оказался человек, который заинтересовался обстоятельствами трагической гибели поэта.

Им оказался военный писатель П. К. Мартыанов. Он стал разыскивать тех, кто знал Лермонтова. Впоследствии, при публикации собранных материалов, он отметил, что «особенное содействие» встретил в пятигорском старожиле, отставном майоре В.И. Чилиеве. «Василий Иванович передал мне,— повествует Мартыанов,— несколько собственноручных заметок «Об обстоятельствах, предшествовавших и сопровождавших дуэль поэта с Мартыновым», и два подлинных дела бывшего пятигорского комендантского управления 1841 года: а) по описи № 88, «О капитане Нижегородского драгунского полка Столыпине и поручике Тенгинского пехотного полка Лермонтове», начатое 8-го и конченное 23-го июня 1841 г., и б) по описи № 98, «О дуэли майора Мартынова и поручика Лермонтова, на коей первый убил последнего», начатое 16-го июля 1841 г. и конченное 15 июня 1842 года».

Только тогда и выяснилось, какими бесценными документами о последних днях жизни Лермонтова располагал Чилиев.

Чилиев увидел Лермонтова, когда поэт вместе со Столыпиным явился 14-го мая 1841 года к коменданту. Он запомнил тот разговор, который произошел в комендатуре. Не пропустил Чилиев и того обстоятельства, что, приехав в Пятигорск накануне, поэт остановился в ресторации.

Когда друзья осматривали «Домик», Чилиев заметил, что поэт рассеян и задумчив, и записал это «для себя».

«Михаил Юрьевич работал большей частью в кабинете, при открытом окне»,— сообщал он Мартыанову. «Вставал он неодинаково, иногда рано, иногда спал часов до 9-ти и даже более. Но это случалось редко. В первом случае тотчас, как встанет, уходил пить воды или брать ванны и после пил чай, во втором же — прямо с постели садился за чай, а потом уходил из дому. Около двух часов возвращался домой обедать и почти всегда в обществе друзей-приятелей».

Внимательный хозяин знает даже, что на обед готовилось четыре-пять блюд и что Лермонтов очень любил мороженое, ягоды и фрукты.

«Лермонтов успевал бывать везде и всюду, — продолжает он свой рассказ,— но вечера предпочитал проводить у Верзилиных».

Чилиев уверял Мартыанова, что он

почитатель Лермонтова. Но как он характеризовал поэта? По его словам, «это был сильный, эгоистичный и властолюбивый характер, имевший одну цель — пробить себе, во что бы то ни стало, дорогу в высшие сферы: чтобы со временем властвовать над толпою. Для этого он сознательно употреблял все средства, выказывая свой талант, обнаруживал беззаветную храбрость и сыпал шутки и насмешки, не щадя никого и ничего...»

Что-то не похоже, чтобы Чилиев преклонялся перед талантом поэта!

Чилиев говорил, что слугу-гурийца Христофора Саникидзе Лермонтов привез с собой из Петербурга. А известный лермонтовед С.И. Недумов рассказывал мне, что в Государственном архиве Грузии он разыскал документы о том, что Василий Иванович Чилиев «неблаговидным путем» приобрел в Грузии 10 крепостных, в их числе Христофора Саникидзе.

Не для того ли предоставил Чилиев своего крепостного Лермонтову, чтобы вести через него постоянную слежку за поэтом? Юноша привязался к Лермонтову и, не подозревая, какую роль навязал ему хозяин, вероятно, добросовестно рассказывал все, что видел.

О предстоящей дуэли Чилиев узнал от Глебова на другой же день после верзилинского вечера. Он знал, кто дерется, из-за чего и прочие подробности. Почему же начальство, по мнению Чилиева, — «чуткое к беде», — ходило во тьме, оцупью?

Похоже, что начальство сознательно не предприняло необходимых шагов, и это напоминает историю дуэли Пушкина, когда жандармы были посланы в противоположную от места дуэли сторону.

Чилиев знал даже, как рассказывал он Мартыанову, что Мартынов явился на вечер к Верзилиным «с предвзятым намерением сделать Лермонтову вызов на дуэль, под каким бы то ни было предлогом, так как Лермонтов и Столыпин на другой день утром должны были ехать в Железноводск... а с переездом их туда возможность вызова уничтожалась».

Когда автор этих строк поделился своими мыслями о Чилиеве с опытным юристом, Б. Л. Д-м, тот нетерпеливо воскликнул:

«Как у Чилиева могли оказаться подлинные дела комендатуры? Такие дела никому не выдаются. Что же, он их выкрал, или кого-то подкупил? Но зачем они ему? Ведь у Чилиева не было связи с делами Лермонтова: ни с его рапортами о болезни, ни с делом о дуэли. Если отбросить особую заинтересованность Чилиева в личности Лермонтова, то совершенно непонятно — для чего ему эти подлинные дела? Были, значит, какие-то особые причины у Чилиева, чтобы заполучить их!»

* Офицер Нижегородского полка, товарищ Лермонтова.

** К этому надо добавить, что в начале 900-х годов некоторые журналисты, в том числе

автор этих строк, обращались к сыну В. И. Чиляева, известному в Пятигорске нотариусу, с просьбой поделиться воспоминаниями об отце и его рассказах о Лермонтове, — Николай Васильевич, всегда словоохотливый, делался при этих разговорах замкнутым, и добиться от него ничего не удавалось.